

К КОНЦЕПЦИИ НОВОГО ОБЩЕСТВА

Анатолий ВЕНГЕРОВ

Патология государственности

Больное общество, болезненные процессы, паралич власти, демократическая истерика... Что это? Медицинские метафоры или социальная диагностика отечественной экономики, политики, духовной сферы?

Действительно, именно в терминах патологии — науки об отклонениях от нормального состояния организма, о страданиях — описываются сейчас в различных публицистических и иных произведениях многие стороны жизнедеятельности советского общества. А что если и на государственность, т. е. на состояние политической организации общества, деятельность его властных законодательных и исполнительных структур, тоже взглянуть сквозь призму этой науки? Имеются ли и здесь, и если да, то какие, отклонения от нормы?

«Полноте!» — воскликнет иной читатель. Да разве можно сводить специфические формы социальной и политической жизни к медико-биологическим или, хуже того, психико-физиологическим процессам и явлениям? Ведь это самый страшный методологический грех — сведение высших форм движения материи к низшим. Кроме того известно, что государство — это механизм, а не организм. По крайней мере отечественная теория государства и права десятилетиями, начиная с ленинской лекции «О государстве» в 1919 г. через «Краткий курс», а затем и многочисленные учебники, навязывала представление о государстве как машине, орудии («машина для поддержания господства одного класса над другим», «главное орудие построения социализма»). А в государстве социалистического типа, как утверждалось, обязательно должно быть «руководящее звено», имеются «приводные ремни», «винтики» и т. п. И это устрашающее, машиноподобное понимание государства вытеснило из общественного сознания все другие его образы. Оно так славно сочеталось с идеологией принуждения, насилия как главных рычагов в «построении нового общества»! Попробуй попри против машины — что выйдет?

А ведь были в истории общественной мысли и иные представления о государстве, отнюдь не машиноподобные. Их объединяла и выражала не механическая, а органическая теория. Она рассматривала государство как объединение людей, объективно необходимое для существования общества, для выполнения общих социальных функций: поддержки жизнеобеспечения граждан, организации общественного производства, обмена результатами труда, их распределения. И, уж конечно, для противодействия всем внешним и внутренним разрушительным силам и процессам.

Венгеров А. Б. — доктор юридических наук, заведующий кафедрой Московского юридического института.

Эта теория определяла государство как органически присущее человеческому обществу образование, социальный организм, у которого должно быть в идеале нормальное состояние. Какое? То, при котором закон верховенствовал бы над всеми делами и помыслами граждан и должностных лиц, а власти, разделенные на законодательную, исполнительную и судебную, дополняли бы друг друга, контролировали и сдерживали! Демократические формы правления, либеральный режим, разумное национально-территориальное устройство, приоритет прав и свобод гражданина над правами нации, народа, государства, да и сам гражданин, экономически независимый и вследствие этого политически самостоятельный, свободный,— эти и другие политико-правовые общечеловеческие ценности означают нормальное состояние. Имя ему — правовое государство. Да, да, то самое название, которое лишь недавно замелькало в публицистике и по частоте неуместных упоминаний уже успело набить оскомину и стать надоедливым штампом. Но по сути своей оно есть норма, идеал. И именно с этим идеалом надо сопоставлять реальную политическую организацию общества, и к нему надо стремиться.

Так что же открывается, если на отечественную государственность взглянуть сквозь призму науки о страданиях, о норме и отклонениях от нее? Что надо лечить?

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Пожалуй, самое глубокое социальное расстройство я бы обозначил как раздвоение личности государства, удвоение его законодательных, исполнительных и иных властных структур. Обозначается это социальное заболевание по-разному: конфронтация Союза и республик, Центра и мест, «парад суверенитетов», «война законов», борьба за власть Горбачева и Ельцина и т. п., но суть его в том, что одну и ту же работу, прежде всего законодательную, стали выполнять и союзные, и республиканские, а порой и местные органы. Вместо того чтобы каждому заниматься своим делом, в рамках своих полномочий, все законодательные структуры, и союзные, и республиканские, принялись, дублируя друг друга, издавать законы по одним и тем же вопросам, для одних и тех же людей. И все разладилось в государственном организме. Нет ни верховенства законов, ни разделения властей...

В государстве постоянно действуют два парламента, союзный и республиканский. На союзном уровне — два центра законодательной власти: президент и Верховный Совет, да и два центра исполнительной власти — президент и правительство. По две независимых системы исполнительной власти — союзная и республиканская. И даже в системе правящей партии уже сложилось два центра — ЦК КПСС и ЦК Российской Компартии

Но ведь так и должно быть, это нормально,— возразит мой оппонент,— ведь у нас федеративное государство и многонациональное общество.

Это было бы нормальным, если бы не два обстоятельства. Первое. Пока верховные советы Союза и республик собирались в год на одну-две сессии продолжительностью два-три дня, их законодательная пропускная способность была минимальной и социально неопасной: конкуренции они составить друг другу не могли. Властно-партийная структура обеспечивала через президиумы верховных советов иерархию союзных и республиканских законов, их согласование, фактический общегосударственный правовой унитаризм в главном. Например, принимались Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а проекты гражданских кодексов республик согласовывались в соответствующей

комиссии Президиума Верховного Совета СССР с Основами и друг с другом, и после их принятия торжествовало единообразие. Когда же парламенты превратились в постоянно действующие и поставили изготовление законов на поток, ситуация стала походить на кошмарный сон. Федеративная правовая система пошла вразнос: несогласованность, противоречивость союзных и республиканских законов, прочие законодательно-технические несуразности стали ее отличительной чертой. Да иначе и быть не могло. Соберите в Центре и республиках по несколько сот человек в верховные советы, обяжите их работать по 8—10 месяцев в году, положите им за это приличную зарплату и поручите готовить и принимать законы — вы обязательно получите две конкурирующие, несогласованные правовые системы. При этом надо особо подчеркнуть, что набор законов по содержанию и предмету регулирования и для одного, и для другого парламента ограничен. Этот набор определяют одни и те же общественные отношения, потребности, надежды, цели...

В результате союзный парламент принимает закон о собственности, республиканские — о том же, Союз — о предприятиях, предпринимательстве, республиканские — о предприятиях и предпринимательстве; то же происходит с законами о земле, о пенсиях, о налогах...

Я определяю этот фактор, создавший раздвоение личности государства, как структурный, управленческий, организационный. Он будет оказывать свое патологическое, разрушительное влияние, создавать противостояние независимо от того, кто стоит во главе государства или парламента. Этот фактор объективен, а не субъективен.

Но есть и второй фактор, который коренится в уникальном национально-территориальном устройстве Советского государства. Это государство, юридически федеративное, включает в себя Российскую федерацию — огромное по численности населения и территории политико-правовое образование, значительно превосходящее все другие союзные республики. Получилось, что одним и тем же народом, на одной и той же территории управляют фактически две законодательные и исполнительные структуры. Поэтому по Российской федерации, по Российскому государству это удвоение ударило особенно больно.

Причем нелепость еще и в том, что законодательствовать Российскому парламенту приходится в условиях, когда большинство предприятий подчинено союзным министерствам и ведомствам, когда экономическое пространство ему почти не принадлежит, и законы не имеют конкретных адресатов.

Как было устроено управление и Российской федерацией, и другими республиками ранее? Фактически действовал своеобразный принцип «матрешки»: автономии входили в союзную республику, а те — в Союз. Национально-территориальное устройство идеально соответствовало командно-административной системе, гипертрофированному бюрократическому централизму. Управляющие команды шли сверху вниз, иерархия торжествовала.

Командно-административная система изжила себя и начала рушиться. Стало разрушаться и национально-территориальное устройство: на смену принципу «матрешки» приходит своего рода «принцип гармошки». Многие автономные республики преобразовали себя в союзные республики и в политико-правовом, суверенитетном значении стали вровень с Российской федерацией.

Социальная патология приняла особенно тяжелые формы. Новые государственные образования юридически продолжают входить в традиционные союзные республики и через них в Союз и одновременно уже в них не входят, а рассматривают себя в качестве непосредственных субъектов Союза. Создалась исторически беспрецедентная, совершенно патоло-

гическая политико-правовая ситуация. Но как же эту ситуацию объясняют? А традиционно: борьбой двух политических курсов или, кроме того, двух лидеров, следствием демократичности одних и консерватизма других (будь то парламенты, народные депутаты, лидеры, движения), издержками экстремизма, популизма и т. п.

Разумеется, все эти политические процессы налицо. Есть и разные политические курсы, и борьба демократии и тоталитаризма, и стремление к суверенности республик, и сопротивление Центра, и многое другое. Но это все вторично — горькое следствие патологического структурного состояния государственности, раздвоения личности государства. Сначала произошло расстройство социального организма, неучет национально-территориальных реалий, нового качественного состояния советской системы, а уж затем появились различные идеологические клише. Так ведь было всегда — идеология обосновывала (а иногда оправдывала) стихийно, непредсказуемо сложившиеся общественные ситуации.

Вспомним: экономика 1918—1920 гг. не строилась по схеме, заданной идеологией «военного коммунизма», а наоборот, идеология «военного коммунизма» родилась, чтобы обосновать коммунистическим, безденежным, уравнилельным распределением то полное расстройство денежной системы (Октябрьская революция 1917 г. вообще началась, когда один рубль стоил десять копеек), тот всеобщий развал промышленности и сельского хозяйства, которые сложились в условиях гражданской войны. Идеология нэпа (свобода торговли, товарно-денежные отношения, многоукладность экономики, частная собственность) расцвела, чтобы теоретически обосновать уже «сорвавшийся» (по выражению В. Ленина) в куплю-продажу товарообмен. Ведь вначале и не собирались идти дальше товарообмена в налаживании экономики и в вознаграждении за труд, в создании «личной заинтересованности».

А обострение классовой борьбы как якобы закономерность социалистического строительства (чем больше успехов, тем острее сопротивление «противников»)? Разве эта идеологическая конструкция не понадобилась Сталину для теоретического обоснования уже проводимых чудовищно-чрезвычайных мер по изъятию у крестьян в 1929—1930 гг. хлебных запасов?

Можно привести другие примеры, где видна та же последовательность: сначала возникает неожиданная, непредсказуемая ситуация, потом — попытки ее теоретически обосновать, объяснить.

Модель «развитого», зрелого социализма появляется как теория, призванная оправдать застойное экономическое и научно-техническое состояние общества при Брежневе.

На смену этой конструкции идет идеология «совершенствования социализма». Вот одна из причин: в 1983 г. вдруг выясняется, что советские нефтедоллары иссякают с такой же скоростью, с какой иссякает и Самотлорская скважина, а советские водкорубли породили уже 4 млн детей-дебилов и вызвали полное нравственное разложение общества. И самый свежий пример: разве идеология ускорения развития народного хозяйства (1985 г.), первоначальное социальное изобретение М. Горбачева, не была заменена идеологией перестройки в 1986 г., когда ускорение не пошло? Идеология перестройки, сначала поэтически, эмоционально, а затем политически и экономически все более осмысленно, принялась обосновывать рыночные (наполовину «теневые») отношения, возникшие непредсказуемо, с трудом складывающиеся из официально отмеренной хозяйственной самостоятельности предприятий.

А можно ли было предвидеть межнациональные потрясения? И лишь теперь, после драматических событий, появляется идеология обновленной федерации, концепция нового Союзного договора. Перемены, сло-

жившиеся в сфере собственности, вызывают к жизни идеи смешанной, конвергенционной экономики. Плодовито законодательствующие верховные советы порождают новую идеологию взаимоотношения Советов и КПСС. Именно отсюда, из вторичности идеологии, первичности спонтанных социальных процессов и явлений, идут сетования в обществе, что Центр всегда запаздывает, находится в цейтноте, нерешителен и т. п.

Советскому обществу все время приходится как-то отвечать на неожиданность и непредсказуемость, синергетичность социального развития, а представления о научной заданности, о якобы строгой детерминированности всего происходящего в советском обществе законами общественного развития, о возможности развития по графику, четкому плану, по теории — не более чем еще один миф в обширной отечественной вульгарно-социологической мифологии. И идеологические обоснования — всегда переходящие, конъюнктурные — постоянно рождаются в практической политике, экономике.

Стремление видеть корень зла в политическом противостоянии двух курсов — «союзного» и «республиканского» — попросту не учитывает того, что структура государственности объективно уже не выдерживает, теряет устойчивость, разъедаемая патологическими процессами.

Их надо останавливать, иначе обществу грозит кома. Какие же стратегии социального лечения этого расстройств можно выделить? Можно попытаться вернуться, реализуя «машинные» начала в государственности, к принципу «матрешки». Хотя, как показали события в Прибалтике, путь этот трагичен, если вообще осуществим.

Или же, понимая государство не как машину господства, насилия, а как социальный организм, политический способ существования гражданского общества, занять иную позицию. Открыть в истории отечественной государственности этап новых вертикальных и горизонтальных договоров и для этого реализовать в союзном образовании разные федеративные, конфедеративные, особо-статусные и просто договорные связи между государствами и народами. Многообразие государственных форм объединения народов в Союз — вот что должно стать целью этого процесса.

Опыт показывает, что даже федеративная организация государства не означает единообразия статуса и отношений субъектов федерации с Центром, не требуется стричь всех под одну гребенку. И в мировой практике классические федеративные связи дополняются особым статусом столицы, тех или иных государственных образований (например, в США имеется самостоятельная единица — Федеральный округ Колумбия, в котором находится столица страны — Вашингтон. Бразилия наряду со штатами также имеет федеральный округ и две особые территории. Индия, кроме 26 штатов, имеет еще и территории центрального подчинения, а из 26 штатов Индии только штаты Джамму и Кашмир и Сикким имеют собственную конституцию).

Вариант многообразия национально-территориального устройства федеративного государства выглядит самым трудным, но и самым предпочтительным с точки зрения отказа от насилия, от принуждения, с позиции разумного учета особенностей народа, территории, исторических и культурных традиций, свободного самоопределения и иных демократических ценностей

Избрав этот вариант, можно достичь баланса интересов Центра и мест, осуществить разумное распределение полномочий.

Выделяются функции, которые сами республики считают нужными централизовать (оборона, общие иностранные дела, космос, ядерное оружие, транспорт, связь, общие научные фундаментальные исследования

и т. п.) и передать некоторым совместно образованным органам. Все остальное остается республикам.

Разумеется, любая стратегия должна обеспечивать приоритет прав и свобод граждан, равноправие, недопустимость ограничений из-за национальной, расовой принадлежности, языка и других биологических и социальных свойств человека.

Только демократическими, цивилизованными средствами можно лечить раздвоение личности государства.

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

Увы, и это болезненное состояние — также реальность современной отечественной государственности. Все чаще цитируется столыпинское: вам нужны великие потрясения, нам — великая Россия.

Сторонники принципа «матрешки», имперской стратегии, готовые вернуть все на круги своя (разные камуфляжные оговорки не в счет), отвергают идеи горизонтальных договоров, поскольку, по их мнению, государство потеряет статус великой державы, распадется на удельные, мелкие, зависимые государственные образования, станет сырьевым придатком развитых стран. Это, боясь они, повредит обороноспособности, безопасности существования граждан. Всем приверженцам демократических социальных «лекарств» они возбужденно бросают в лицо: вы разваливаете Союз, вы — враги тысячелетиями складывавшейся державы. Сохранить за отечественной государственностью почетное звание одной из двух сверхдержав или же (если поезд уже ушел) возродить ее исторический статус великой державы и уж, по крайней мере, не допустить ее распада, развала, сохранить великую национальную идею государственности — такой они видят свою историческую задачу.

Это серьезнейшая проблема, которая затрагивает не только советское общество, но и весь мир.

На чем первоначально строилось величие СССР? Вначале оно обосновывалось политэкономическими критериями. Пресловутое построение нового и высшего общественного строя — социализма — вело, как утверждалось, к появлению и высшего типа государства. В нем объявлялись окончательно решенными вековые проблемы человечества, и прежде всего национальные. Интернационализм, дружба народов, образование новой социальной общности — советского народа — объявлялись вехами движения к слиянию наций. А затем Варшавский Договор, социалистический лагерь, где СССР был и фундаментом, и гарантом, а порой и кормильцем, — все это также создавало образ великой державы.

Политическое и экономическое величие подкреплялось и научно-техническими прорывами (ядерное оружие, космос). И геополитические факторы тоже рисовали величественный фон — государство на 1/6 части суши! А в результате второй мировой войны не только была восстановлена государственность в границах царской России, но и получены солидные территориальные приращения. Все вместе действительно, по критериям XIX и XX вв., превратило СССР в великую державу, в супер- и даже гипердержаву. И составляло предмет гордости большинства граждан, рождало у них чувства уверенности, защищенности, стабильности, гарантированности материального благополучия, приобщенности к мировым культурным ценностям и предназначениям.

Но вот в конце XX в. эти критерии величия государственности непредсказуемо, неожиданно, резко поменялись. Кибернетика, генетика, демократические ценности (свобода, гласность, коммуникативность), научно-технические достижения, повсеместное социальное отвержение тирании,

тоталитаризма внесли существенные поправки в определение того, что есть величие державы.

Сторонники имперской стратегии с этими поправками не соглашаются. Они по-прежнему фетишизируют представления об эволюционном прогрессе как смене общественно-экономических формаций, высшим типом которых является социализм, и о соответствующей смене типов государства, а стало быть, о необходимости иметь государство социалистического типа.

По их мнению, величие отечественной государственности заключается в обслуживании и защите социализма, понимаемого в ортодоксальном, вульгарно-классовом, командно-административном, распределительном смысле. В том, который система крепко вбила в сознание народа: гиперболизация и апологизация государственной собственности, бюрократического централизма, руководящая роль КПСС, формирование нового человека и т. д.

В этом ли сейчас видится величие государства? В конце XX в. стремительно формируется качественно новый уклад жизни человечества, появились потрясающие технологические возможности и вместе с ними грозные экологические, информационные, ядерные последствия этого уклада.

Высокий престиж науки, техники, технологий, умение жить в новом технологическом укладе, пользоваться новым компьютерно-коммуникативным и композиционным (новые материалы) миром — не это ли социально сейчас самое главное?

Разве может страна именоваться великой державой, если ее граждане лишены свободы передвижений, устройства на работу по своему выбору (проклятие прописки!), если в телефонах-автоматах оторванные трубки, а «дворники» и зеркала обратного вида на автомашинах надо предусмотрительно снимать. Да только ли эти бытовые приметы (а их можно до бесконечности множить) — свидетельства не величия, а упадка! Критерии величия государства сейчас в том, как оно поддерживает науку, как создает новый технологический уклад, что при этом получают граждане, как их приобщают к научно-техническим изумлениям и возможностям XX века.

Иной путь ведет к упадку, даже катастрофе! Чего только стоят Чернобыль, Арал? А пьянство — бюджетное осуждение народа? А бюрократическое воровство и разграбление, а бесхозяйственность, безответственность, пренебрежение к закону, к праву — послужной список этого упадка державы можно продолжить!

А как совмещаются величие и афганская война, попытка на штыках усадить и защитить еще одного диктатора? Ей еще предстоит вынести историческую оценку. Через античеловеческие жернова «афгана» за десять лет были пропущены сотни тысяч молодых людей. Что ж удивляться, что в общество пришло зло «саперных лопаток», усилилась деградация нравов.

Да, и Союз, и Российская федерация, и другие республики были и останутся великими. Но не в геополитических утверждениях и не в политико-экономических ярлыках и наклейках. Здесь опять начинается патология, социальный организм повреждается, уходит от нормы. Здесь, если хотите, тяжкий бред постоянного социального изобретательства и экспериментирования. От него тоже надо освободиться, и чем скорее, тем лучше. Речь, разумеется, не идет о пресечении поисков социальных и экономических инноваций, о прекращении государством поддержки переустройств и преобразований. Речь идет о необходимости, наконец, сказать: хватит экспериментов, человечество уже накопило опыт решения конкретных социальных, экономических и политических проблем (это касается рынка,

денег, собственности, права и т. п.). Посмотрим, что можно использовать, учитывая наши особенности, без механического копирования.

Но довольно мифологии, довольно утопий, надо возвращаться от мифологического мышления к логическому. Все другие страны, которые так поступили, уже добились известного благосостояния и стабильности. Пора, наконец, и отечественную государственность избавить от кошмара навязчивых социально-изобретательских патологий.

Мощный интеллектуальный потенциал народа, помноженный на те новые экономические условия, которые создадут свобода предпринимательства, многообразие форм собственности, включая частную, рынок, социальная справедливость и защищенность, прочие социальные, политические и экономические блага,— только это вернет величие отечественной государственности.

МАНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Однако для этого надо «вылечить» социальный организм еще от одной аномалии — от мании преследования. Увы, это тоже весьма грозный симптом нынешней патологии государственности.

Разве не заняты сейчас многие государственные и политические структуры поиском внешних врагов, чтобы на них свалить ответственность за все беды и страдания,— от банкиров, которые-де вознамерились скупить все советские рубли, снести с лица земли отечественную экономику, до очередных козней ЦРУ и прочих спецслужб? Или поиском внутренних врагов — от «теневиков», кооператоров, так называемых демократов, экстремистов, необольшевиков, осуществляющих экономические саботаж, захват власти, до масоно-сионистских заговорщиков, измышляющих развалить государство, распродать все богатства страны заморским толстосумам и вообще утвердить над народом господство новых капиталистов и помещиков.

И как было уже не раз в отечественной истории, возникает вопрос: а может быть, патологической государственности необходимы внешние и внутренние враги как условие ее существования в машиноподобном варианте для списания социальных ошибок, неудач на других — на тех, кто «не наши»?

Нормальной, здоровой государственности как социальному организму искусственные враги не нужны. Смелый анализ экономических проблем, выявление, учет и баланс интересов различных социальных сил, сопоставление с общецивилизаторским опытом и многие другие научные подходы, наверное, позволят найти «лекарства» против параличей и расстройств.

И опять слышу «полноте!». Разве не опыт всей человеческой истории определяет классовую борьбу как реальную силу, сотрясающую государственность, и разве не стоят за идеями интересы? Разве не закономерность истории — борьба идей параллельно с борьбой людей, в том числе и на уничтожение?

Что же, такой опыт человечество действительно имеет: именно так оно столетиями перераспределяло собственность и власть. Особенно когда собственностью были земля, фабрики, заводы, имения, словом, имущество, Вещь. И для того чтобы стать новым собственником, надо было отнять имущество у старого, а затем, что поделаешь, порой и уничтожить его. Но сейчас, когда в собственность и рыночные отношения включены новые объекты — продукты творческого, научного и иного интеллектуального труда, когда не вещные, а информационные и технологические ценности стали основой конкуренции, рынка, прогресса, надо ли устранять или заменять собственника, чтобы обладать идеей, открытием,

ноу-хау — всем тем, что создает ныне общественное богатство, дает власть? Нет и еще раз нет! Оставаясь собственностью автора, ученого, словом, создателя, интеллектуальный продукт может использоваться другими лицами, стать всеобщим достоянием. И с учетом нового этапа развития человечества должна меняться организация власти. Иными словами, научно-техническое развитие человечества, создавшего огромное экономическое пространство интеллектуальной собственности как основы успеха и процветания общества, коренным образом меняет формы перераспределения собственности, власти. Революции уступают место реформам, эволюции.

Но тогда и лечение социальной мании преследования, патологии «поиска врагов» следовало бы осуществлять принципиально на иных, демократических началах: «круглые столы», гарантии прав меньшинства, оппозиции... Борьбу на уничтожение идеологических противников следует оставить в прошлом и расширить поиски согласия, дискуссии и прочие цивилизованные способы разрешения конфликтов.

Конечно, складывавшуюся десятилетиями отечественную государственность потрясают повороты общества к частной собственности. Потрясают государственность и движения к плюрализму, предпринимательству, возрождение здоровой национальной идеи, которая в отдельных регионах приобрела, к сожалению, патологические формы, такую же разрушительность, как и деформированная классовая идея, и многое другое.

Конечно, государственность дает неадекватные реакции в ответ на неожиданные экономические, межнациональные конфронтации. Вместе с тем социальный организм обладает огромным запасом прочности, внутренних резервов. И если удастся сдержать эти реакции, уйти от поиска «врагов», развить зачатки правовой культуры, кто знает — не приведет ли это к отказу от патологии и к социальному торжеству нормы?